

Выборнов Ю.Б.

УДК 811.133.2

ЛИНГВО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКЦИЯ ПРОВАНСАЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Процессы самоидентификации, возобновляющиеся в современном мире, активная борьба малых народов и народов, не достигших в своем развитии этнокультурного уровня нации, за возможность использования в коммуникации родного языка – все перечисленные явления нынешней действительности обуславливают *актуальность* исследований, направленных на изучение языков малых народов и этнических меньшинств.

Несмотря на официальное одноязычие страны, для лингвистической географии Франции характерен полилингвизм. Непосредственное влияние германских диалектов франкских и готских племен исторически способствовало формированию на территории современной Франции двух языковых зон: d'oc и d'oïl. В период с V по IX вв. на северо-востоке Галлии на латинской основе формируется романский язык франков; одновременно, народная латынь юго-запада, подвергшаяся влиянию готских диалектов, развивается в провансальский язык. *Цель* представленной работы заключается в определении функционального статуса провансальского языка и исследовании источников его изучения.

Провансальский язык дал средиземноморскому региону Франции имя «Лангедок», что означает «язык ок». «Ос» [ok], по классификации Д. Алигьери, – это провансальская форма утвердительной частицы «да», которая на севере (и в современном французском языке) звучит как [wi] [10]. Популяризации провансальского языка немало способствовал писатель XIX в. Фредерик Мистраль, получивший в 1904 г. Нобелевскую премию по литературе.

В Провансе до сих пор говорят на местном языке, имеющем больше сходства с каталонским и португальским, чем с литературным французским.

По мнению ряда лингвистов [4, 13, 19] основным свидетельством возникновения нового языка является наличие литературного произведения, выполненного знаками данной новой разновидности вербальной системы. Так, например, по мнению Н.А. Катагощиной, говорить о существовании французского языка можно лишь, начиная с XI в., времени написания первого литературного памятника на данном языке – «Секвенции Святой Евлалии» [4]. Провансальский язык в Средние века значительно превосходил северофранцузский диалект по степени функциональной нагрузки и количеству литературных свидетельств. К XI в. на провансальском языке существовала уже богатая литература, в то время как на Севере франкского королевства еще не было практически никакого литературно-художественного творчества.

Провансальский язык, при определении его как одного из романских языков, в лингвистической литературе классифицируется под названием «окситанский» [9, 13]. Окситанский язык является родным для коренного населения юга Франции и ряда сопредельных районов Испании и Италии. Он относится к галло-романской подгруппе индоевропейских языков. В настоящее время описываемый идиом представлен группой диалектов и говоров, подразделяемых на северный и южный кластеры.

О существовании развитой литературной традиции в окситанском языке можно говорить уже к эпохе средневековья. В этот же период окситанский становится языком законодательства и юриспруденции.

В 1539 г. король Франции Франциск I присвоил французскому языку статус единственного официального языка всего королевства. После Великой французской революции во Франции началась политика вытеснения всех иных языков французским.

В 1951 г. принят закон Дексона, по которому провансальский язык включен в состав местных языков и говоров, что позволило вводить его в качестве факультативного в программу учебных заведений. Однако социальные функции этого языка так и остались ограниченными повседневно-бытовой сферой.

В 1982 г. во Франции официально признано существование «коренных этнических меньшинств», их языков и культур, после чего в школьной программе предусматривается обязательное изучение окситанского и других «коренных этнических» языков (корсиканского, бретонского, каталанского, баскского, фламандского и эльзасского), созданы «этнические» программы на радио, стало активно развиваться книгоиздательство на «коренных этнических» языках (в том числе на окситанском).

В средневековом Провансе, разделенном на относительно независимые от французской короны княжества, благодаря поэтическому творчеству трубадуров в XII в. возник первый в Европе наддиалектный литературный язык. Язык трубадуров носит название *proensal*, *lemosí*, *lenga d'oc* – что отражает его полидиалектное происхождение. Оно выражается, в частности, в присутствии в этом литературном языке пришедших из разных диалектов многочисленных фонетических вариантов одного слова, которые функционировали в нем как свободные варианты, например *lam. nocte(m) > пров. noit, noch, nueit, nueich*. Поэзия трубадуров и созданный ими язык служили образцом для поэтических школ Испании и Италии. В XIII в. многие поэты Италии писали на провансальском, в средневековой Каталонии – это единственный язык поэзии. На провансальском языке созданы в XIII в. первые романские грамматики. Романская филология как наука также началась с описания языка трубадуров, когда в 1816 г. французский филолог Ф.Ренуар описал фонетический и грамматический строй старопровансальского в сравнении с другими романскими языками.

По данным современных исследований в области романского языкознания отличительными чертами провансальского языка являются:

- 1) сохранение конечного *-a*;
- 2) сохранение латинского дифтонга [*au*];
- 3) сохранение звука [k] перед [a] (в отличие от французского), например лат. *causa* > пров. *causa*, франц. *chose*;
- 4) сохранение вторичных звонких (из латинских глухих) интервокальных – как в испанском и в отличие от французского, например, *lam. vita* > *пров., исп. vida*, франц. *vie*;
- 5) переход группы согласных *-tr-* в *-ir-*, например лат. *patre(m)* > *пров. paire*.

Провансальский язык характеризуется развитой системой диалектов. Эти диалекты объединяются в 3 зоны:

- северо-окситанскую (лимузинский, овернский, альпийско-провансский);
- средне-окситанскую (лангедокский и провансский);
- гасконскую.

Литературный провансальский язык существует, по мнению ряда ученых [9, 13] с X в. В XII-XIII вв. поэзия провансальских трубадуров уже широко известна в Северной Франции, Италии, Испании и Германии. Провансальский язык этого периода (язык поэзии и прозы) представляет собою наддиалектное койне, отличающееся наличием единых норм. До середины XVI в. провансальский язык выступает как административный в официально-деловой форме. С потерей политической независимости Южной Франции общность норм литературного языка нарушается, в нём появляются диалектные черты.

Неоднократно предпринимались попытки возрождения провансальского литературного языка. Наиболее успешной из них было намерение фелибров (вторая половина XIX в.) создать новопровансальский литературный язык на базе провансского диалекта (ронский говор) с использованием ресурсов старопровансальского литературного языка. Движение фелибров возглавлял Ф. Мистраль, язык произведений которого стал нормой синтезируемого нового идиома. К концу XIX в. формируется «окситанский» вариант новопровансальского литературного языка. Некоторые черты в области фонетики и морфологии сближают провансальский с иберо-романскими языками: фрикативный [b], апикальный [ɣ], сохранение палатализованного [ɲ]; развитая глагольная флексия. В старопровансальском языке различают 2 падежа (именительный и косвенный), также как и в старофранцузском.

На сегодняшний день провансальский язык распространен на юге Франции и насчитывает более 12 миллионов носителей. Трубадуры в значительной мере использовали народную песню, приспособивая ее к аристократическим вкусам. Они преобразовали и рафинировали ее, умножили ее виды, формы и размеры и создали собственную художественную традицию. Феодализованная песня стала предметом роскоши при владетельных дворах. Некоторые из них стали культурными гнездами трубадурской поэзии. Литературное наследие трубадуров насчитывает произведения свыше 460 авторов.

Основным видом лирики трубадуров являлась *canço* – «песня» (кансона) в несколько строк, с «посылкой» (*tornada*) вместо припева. Строфы могли быть различной длины, и чередование рифм достигало у трубадуров необычайного разнообразия. Обычной темой «песни», как и других видов их лирики, являлась любовь. Любовная лирика трубадуров имела главным своим назначением эстетическое обслуживание знатных дам феодальных дворов. Наряду с «песней» развилась поучительная и политическая, в частности военная лирика трубадуров – в форме, так называемой, «служебной песни» – *sirventes* (сирвентес). Сатирические сирвентесы предвосхитили позднейшую литературу памфлетов. В диалогической форме составлялись тенсоны («прения») на любовные или нравоучительные темы, иногда являвшиеся состязаниями трубадуров, чаще же сочинявшиеся одним трубадуром и инсценировавшиеся им с джогларами. Диалогическую форму, но с обрамлением в виде авторского повествования имела

«пастурела». Другими формами лирики трубадуров являлись «серена» (песня вечернего свидания), «альба» (песня утреннего расставания) и прочие.

Трубадуры-профессионалы вели большей частью бродячий образ жизни. Более талантливые или угодливые пристраивались в качестве придворных поэтов. Главным образом в среде придворных трубадуров сложился тот своеобразный «дамский вассалитет», в профессиональной служебности которого и выработалось их условное, стандартное, символическое и рафинированное творчество.

Традиции трубадуров и особая их профессия сложились не сразу. Самый ранний из плеяды трубадуров – граф Гильем де Пуатье (Guilhem de Peitieu, 1071-1127 гг.), не связанный ни профессиональностью, ни вассалитетом, ни традициями трубадурской лирики, натуралистически воспевал чувственную любовь. Его современник, крестоносец Джауфре Рюдель, принц Блейский (Jaufre Rudel, prince de Blaye, писал между 1130 г. и 1150 г.), наоборот, воспел полумистическую любовь к далекой принцессе («дальняя любовь» – amor de lonh), графине Триполи.

Альбигойские войны (1209-1229 гг.), закончившиеся разгромом южнофранцузского феодализма французской королевской властью, нанесли смертельный удар поэзии трубадуров. Большинство трубадуров, связанных с южными дворами, вынуждено было после их разгрома эмигрировать, и часть этой трубадурской эмиграции выступила против контральбигойских крестоносцев и папства. Трубадур Бернарт Сикарт де Марведжоль (Bernart Sicart de Marvejols) оплакивает в известном сирвентесе Тулузу и Прованс: «A, Tolosa e Provensa!.. Quo vos vi e quo us vey!» (Ах, Тулуза и Прованс!.. Какими я вас видел и какими я вас вижу!).

Религиозные формы Альбигойских войн, в которые вылился кризис южного феодализма, и наступившая после них глубокая церковная реакция окрасили в религиозный цвет последний период трубадурской лирики. «Последний трубадур» Гираут Рикьер (Guigaut Riquier, родился в первой половине XIII в., писал в 1252-1294 гг.), из буржуазии, приспособил куртуазную лирику к служению богородице.

Провансальская лирика, в особенности в эпоху эмиграции трубадуров, получила значительное развитие в Италии, где много местных трубадуров писало на провансальском, например, Сорделло (Sordello, 1224-1269 гг.), и оказала громадное влияние на поэзию раннего итальянского Возрождения (Данте, Петрарка). Каталонские трубадуры писали исключительно на провансальском в то время как уже начала развиваться на собственном языке каталонская проза. При Кастильском дворе провансальская трубадурская лирика соперничала с галисийской лирикой, которая сама сложилась не без влияния провансальской. Трубадурская лирика оказала также значительное влияние на развитие куртуазной лирики труверов в Северной Франции и на немецкий миннезанг.

В той или иной связи с поэзией трубадуров развивался и провансальский светский эпос. Значительная часть памятников провансальского светского эпоса – даже в эпоху расцвета провансальской лирики – сложилась на промежуточном французско-провансальском языке. Интерес представляет французско-провансальская поэма середины XII в. «Girart de Roussillon», рано реагирующая на стремление французской королевской власти распространить свое господство на феодалов юга. Поэма «Daurel et Beton» конца XII в. примыкает к французскому эпосу о Бове. Большой исторический интерес представляет пространная «Песнь о Крестовом походе» – эпос об Альбигойских войнах, состоящий из двух самостоятельных произведений. Автор первой ее части – Гильем из Туделы – сторонник «крестоносцев». Неизвестный автор второй части старается сохранить позицию беспристрастного наблюдателя. Одной из малых форм стихотворного повествования, развившихся под сильным городским влиянием в первой половине XIII в. в Каталонии, явились так называемые novas, новеллы в стихах, преимущественно любовного содержания. Сочинителями их являлись большей частью трубадуры (например, каталонец Рамон Видаля де Безалю (Ramon Vidal de Besalu). В самом Провансе в эпоху Альбигойских войн и в период религиозной реакции развился религиозно-нравоучительный эпос, как например «О семи радостях Святой Девы» трубадура Гюи Фолькей (Guy Folqueu), будущего папы Климента IV.

К светской прозе относятся завершающие трубадурскую эпоху «Биографии трубадуров» – приукрашенные легендами и вымыслами литературно-биографические новеллы. К дидактической прозе относится трактат Видаля де Безалю «Razos de trobar» («Правила творчества»), написанный в целях сохранения классического языка трубадуров в Каталонии.

С XIV в. провансальская литература перешла преимущественно к городскому патрициату. Творчество этого патрициата канонизирует внешние формы трубадурской лирики, выхолащивая, однако, из них светско-феодалное содержание и заменяя его духовным. В 1323 г. в Тулузе была основана Консистерия Веселой науки (Consistori de la Gaya Scienza). Консистерию основала «Сверхвеселая компания семи трубадуров» – «Sobregaya Companhia» (сверхвеселая в смысле «веселия о господе») – купцы, ростовщики («менялы»). Гильем Молинье (Guilhem Molinier), первый «канцлер веселой науки», изложил прозой провансальскую поэтику и грамматику в трактате «Leys d'Amor» («Законы любви»), отождествив понятие трубадурской любовной лирики с новым смыслом «божественной любви». Эта поэтика «веселой науки» канонизировала традиционные формы и язык трубадурской лирики, в то же время схоластицировав ее содержание. Консистерия «Веселой науки» учредила периодические флоральные («цветочные») игры (jocs florals), поэтические состязания по определенным правилам, с раздачей «цветов Веселой науки» и ученых степеней от поэзии. Первым «доктором поэзии» был признан «трубадур» Арнаут Видаля (Arnaut Vidal) за религиозно-нравственную песню в честь Святой Девы, стиль которой служил в течение полутора веков образцом для Тулузской школы провансальской поэзии (1324-1484 гг.). Объемистым памятником схоластической настроенности этой эпохи явилась энциклопедическая компиляция в стихах Матфре

Эрменгаута (Matfre Ermengaut, умер в 1322 г.) «Breviari d'Amor» («Бревиарий любви»). Среди прочих памятников религиозной поэзии этой эпохи любопытна поэма «Эсфирь» еврейского врача Крескаса, написанная на провансальском языке, но в орфографии иврита.

Исследование процесса формирования провансальского языка в контексте развития литературы на провансальском языке позволяет сделать вывод о том, что язык d'oc, то есть провансальский, представлял собою однородную систему. Подобный феномен поясняется фактором экстралингвистического порядка: Аквитанское королевство, в пределах которого и зародился провансальский язык, в эпоху средневековья – централизованное государство, способное как на культурном, так и на военно-политическом уровне отстоять собственную независимость.

На сегодняшний день подобной этнической группы не существует, она прекратила свое существование к концу XI в. В данном случае можно установить четкую взаимосвязь между историей становления и развития народа и его языка. На примере истории провансальского языка подтверждается первостепенное значение социального фактора в развитии языка: народ (нация) – первичен, при отсутствии единого народа, трансформирующегося в процессе культурно-исторического развития в нацию, прекращает активное существование даже обладающий развитой литературной традицией язык.

Источники и литература:

1. Абаев В. И. О фонетическом законе / В. И. Абаев // Язык и Мышление. – Л., 1933. – С. 56-64.
2. Amir I. Contact hypothesis in ethnic relations / I. Amir // Psychological Bulletin. – 1969. – № 71. – S. 20-36.
3. Bond M. The cross-cultural challenge to social psychology / M. Bond. – N. I., 1988. – 204 s.
4. Гурычева М. С. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Галло-романская подгруппа / М. С. Гурычева, Н. А. Катагощина. – М., 1964. – 216 с.
5. Лебедева Н. М. Новая Русская Диаспора : социально-психологический анализ / Н. М. Лебедева. – М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. – 200 с.
6. Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций / Н. М. Лебедева. – М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. – 304 с.
7. Лебедева Н. М. Социально-психологические закономерности аккультурации этнических групп / Н.М. Лебедева // Этническая психология и общество / под ред. Н. М. Лебедевой. – М. : Старый сад, 1997. – С. 125-144.
8. Лебедева Н. М. Аккультурации этнических групп / Н. М. Лебедева // Этническая психология и общество / под ред. Н. М. Лебедевой. – М. : Старый сад, 1997. – С. 271-289.
9. Маджи Дж. Прованс / Дж. Маджи. – Бонеша, 1998. – 250 с.
10. Петренко А. Д. Особенности кодовой матрицы общения в условиях межэтнической интерференции / А. Д. Петренко, Д. М. Храбскова // Культура народов Причерноморья. – 2003. – С. 32-34.
11. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания / В. Ф. Петренко. – М., 1989. – 189 с.
12. Стефаненко Т. Г. Методы исследования этнических стереотипов / Т. Г. Стефаненко, Е. И. Шлягина, С. Н. Ениколопов // Методы этнопсихологического исследования. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1993. – С. 55-78.
13. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – М. : Ин-т психологии РАН, 1999. – 310 с.